

скими королями с их прекрасными флотами, особенно могущественными рядом с деградирующими морскими силами византийцев, мыслью продвинуть свои владения до Константинополя был охвачен и (хотя и не непосредственный) преемник норманнов в Неаполитанском королевстве, Карл Анжуйский. В припадке озлобленного нетерпения он впиался зубами в свой жезл, неистовствуя перед папой, не дававшим окончательной санкции на его византийский поход.

Одним словом, осады Диррахия, опустошение иллирийских берегов, разорение Эпира, Македонии, Фессалии, средней Греции и Пелопоннеса, временный захват Солуни и неоднократная угроза движения латинских полчищ по прямой линии римской Игнатиевой дороги на Константинополь, держали византийских императоров и всю страну в непрерывном и основательном беспокойстве и даже страхе перед Западом.

Не оказались безразличными для Восточной империи и первые три крестовых похода, катившиеся по далеко не вполне защищенной территории Византии: вторгались то едва управляемые толпы западноевропейского люда, то войска, готовые занять враждебные позиции. Недаром византийцы сравнивали первый крестовый поход с движением на их родину как бы железной стены: φοβερὸν μὲν... θέαμα, καὶ ἀπὸ τῆς σιδεροῦν τεύχος κινούμενον.¹

Все эти события цеплялись друг за друга, сочетались и переплетались между собою; по остроумному выражению французского историка Латинского Востока, Ренэ Груссе, „1071 год звал за собой год 1095“, а „1082 год казался 1204-м“.²

Тем не менее этим не исчерпывалась вся мера опасности, нависшей над Византией. Ей наносился еще один, особый и в начальном проявлении будто бы и не страшный удар, также с запада.

Развитие исторической судьбы Византии одним коварным ходом заставило ее самоё создать себе серьезнейшую по своим последствиям угрозу, какой явилось вынужденное и неосторожное соглашение Алексея Комнина с Венецией в 1082 г. Известный

¹ Nic. Greg. I. IV c. 7, ed. Bonn I, p. 103.

² R. Grousset. Histoire des croisades et du royaume Franc de Jérusalem, (t. I, Introduction, pp. XXXIII, XLV). Этими сопоставлениями дат автор намекает на драматическую связь событий: когда Византия вышла из борьбы с восточным врагом после поражения при Манцикерте в 1071 г., то выступили в 1095 г. западные силы первого крестового похода. В 1082 г. Роберт Гвискард, казалось, дойдет до Константинополя и захватит его, как это случилось в 1204 г. С другой стороны, эти даты могут быть связаны между собой следующим образом: в 1071 г. Роберт Гвискард занял Бари и отсюда наметил свое движение на Византию. В 1095 г. его сын Боэмунд вместе с первым крестовым походом пошел в Константинополь. В 1082 г. венецианцы протянули руку к Константинополю, в 1204 г. они стали там хозяевами. — Е. С.